

ИЛЛЯ БУШМИН

ПРОКЛЯТАЯ ГРУППА

Илья Бушмин

Проклятая группа

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7323327
ISBN 9785447400200*

Аннотация

«Проклятая группа» – проштрафившиеся опера-неудачники. Когда-то начальство отправило их в подвал УВД, как на свалку, в надежде, что сыщики сами когда-нибудь уйдут из полиции. «Проклятая группа» – это настоящая профессиональная смерть для оперативника. Но однажды в городе произошло громкое похищение жены влиятельного адвоката. Лучшие силы полиции попадают впросак, пытаясь поймать преступников. И тогда «проклятая группа» получает долгожданный шанс...

Содержание

Часть 1	5
1	5
2	10
3	24
4	35
5	43
6	52
7	61
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Проклятая группа

Илья Бушмин

© Илья Бушмин, 2016

ISBN 978-5-4474-0020-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

1

На «работу» он ходил со своими сумками. Вот и сегодня он запихал во внутренний карман куртки клетчатый баул – из тех, с которыми раньше ходили челноки. И сейчас баул стоял в центре комнаты, а он методично набивал его найденным добром.

Тяжелые вещи он никогда не брал. Никаких телевизоров и компьютеров. Ноутбук, планшетный компьютер, сотовый – совсем другое дело. Легко толкнуть кому угодно – хоть с рук на рынке, хоть через корешей, хоть по объявлениям. А вот мимо найденной в чулане прихожей шубу он запихал в сумку. Баул уже был почти полон.

В комнате стояла тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием его больных, прокуренных и посаженных в колониях легких и шорохом. Он привык работать тихо. Один раз он обшмонал зал и кухню, пока хозяева мирно похрапывали в соседней комнате.

В серванте, в керамическом заварочном чайнике, он нашел деньги. Лохушка, хмыкнул он, запихивая деньги в карман. Для таких опытных воров, как он, этот тайник, над которым хозяйка наверняка долго ломала голову и потом на-

верняка гордилась – лишь один из пунктов, которые обязательно надо проверить. Еще до второй отсидки в тюрьме он отлично знал, где терпилы и фраера пытаются спрятать свое добро. И безошибочно находил.

В квартире жила баба. И жила одна. Он знал об этом не только потому, что за последние четверть часа успел обшарить половину квартиры. Он знал об этом, потому что перед делом привык проверяться. Когда работаешь без наводки и рассчитываешь только на себя, проверяться – дело святое.

Лифт как всегда не работал. Рита устало поднималась по лестнице, отсчитывая этажи. Почему эти гады всегда отключают лифт по вечерам? Ломается часто – так почините, вы за что деньги получаете? Мысленно ругаясь, она наконец добралась до своей площадки. Руки Риты были заняты пакетами с продуктами. Остановившись у двери в квартиру, она освободила правую руку, переложив пакет в левую. Мышцы руки заныли под тяжестью. Многовато она набрала... Торопливо выуживая ключи из сумки, Рита вставила ключ в замок.

Почему-то ключ вошел только наполовину.

Он напрягся, весь превратившись в слух. Показалось или нет? Звук повторился. Кто-то пытался открыть дверь квартиры. Конечно, из этого ничего не выходило – перед шмоном он нашел в прихожке запасной ключ, тот висели на крючке около вешалки, и вставил его в замок изнутри. Замок стандартный – а значит, пока ключ внутри квартиры вставлен

в скважину полностью, открыть хату изнутри можно разве что ломом.

Но твою мать, почему эта сучка приперлась так рано! На часах всего пять вечера!

Рита с удивлением и раздражением пыталась открыть замок, понимая, что он не поддается. Словно внутри что-то мешает. Замок открывался всегда, работал исправно.

– Вот гадина, – ворчала Рита, вытаскивая ключ и снова вставляя его в замок. – Только этого мне не хватало!

В замок изнутри был вставлен ключ на кольцо. Кольцо тихонько вздрагивало и позвякивало о металлическую поверхность ключа всякий раз, когда снаружи пытались провернуть второй ключ в замке.

Он подкрался к двери. В прихожей было темно, и чем ближе к двери, тем темнее. Он шагнул в темноту и осторожно припал к дверному глазку, лихорадочно соображая, что же делать. В круглой выпуклой сфере глазка он увидел бабу, с недовольным видом копошащуюся в замке.

– Да что же ты будешь делать, – услышал он ее раздраженный голос. – Открывайся уже!

Он гадал, что делать. Без паники, но с волнением. Дело было серьезно. Эта сучка не уйдет отсюда. Что она может сделать? Вызвать спасателей. Или, что хуже – начать стучать соседям. В любом случае, уставшая после работы баба явно не попрется через весь город, чтобы переночевать у какой-то родни. Она останется здесь. Хата на седьмом этаже.

Ломиться в окно будет только последний лошара. Он лошарой не был.

Выбор был небольшой.

Осторожно нащупав мешающей хозяйке ключ, он бесшумно и быстро вытащил его из замка.

Рита раздраженно поставила оба пакета на ступеньку перед дверью, чтобы взяться за замок всерьез.

– Сволочь, а. Вот сволочь!

Мысленно ругаясь и проклиная дурацкую дверь, Рита навалилась на дверь всем весом.

И вдруг замок поддался, словно только и ждал момента, когда выведет ее из себя. Ах ты сволочь, с характером, подумала Рита с облегчением.

– Ну слава богу.

Подхватив пакеты, она шагнула в темноту квартиры, ногой захлопнув за собой дверь. Она уже боялась, что без специалистов дверь не откроешь, и ей придется куковать на площадке до... Ладно, к черту. Надо позвонить брату, он всегда разбирался в замках – может, посмотрит, что там. Замурлыкав себе под нос услышанную по радио на работе песню, Рита скинула обувь и двинулась на кухню, чтобы разгрузить пакеты.

Чулан находился в прихожей, в метре от входной двери. В и без того темном помещении чулан выглядел просто черным пятном. Но как только на кухне зашуршали коробки и пакеты с продуктами, которые Рита немедленно принялась

разбирать, из черноты чулана показалось лицо. Ему было за 40 – сухой и сморщенный, с грубым бледным лицом человека, который провел в тюрьме половину жизни. Грязные волосы, небритое лицо, засаленная куртка. И длинный, толстый, с мизинец толщиной, острый гвоздь, который он сжимал, как стилет.

Во всей округе окружное УВД было самым старым и обшарпанным зданием, одним своим видом внушая тоску и безнадёгу. Ухудшали гнетущее ощущение узкие окна с решетками, причем на всех четырех этажах, и высокие и непроницаемые черные ворота справа от здания. Ворота вели во двор, где располагалась стоянка служебного транспорта. Периодически одна створка ворот – вторая постоянно заедала, но починить ее руки ни у кого так и не дошли – со скрипом отползала в сторону, выпуская со двора, словно изрыгая, очередной экипаж ППС или белый с синей полосой на боку фургон «дежурной части».

Подъезжая к управлению, Кротов вдруг подумал, что было бы неплохо, будь у управления подземная парковка. Вон, как в городском главке.

О подвале в здании окружного УВД Кротов думал каждое утро, приезжая на работу. Ему приходилось. Так карта легла. На то были свои причины.

Кротов припарковал машину почти на углу здания. Выбравшись из-за руля, нажал кнопку на брелоке. Сигнализация тоскливо пискнула, блокируя дверцы его старенькой «Киа».

Идущего через парковку к дверям управления Кротова можно было спутать с маргиналом или алкашом, который

после очередного запоя решился на облегчение души и пришел в ментуру с повинной. Вечно мрачный и осунувшийся, почти одутловатый. Небритый и помятый. Ему было около 40, но от него так и веяло усталостью. Он был похож на отпахавшего несколько суток за рулем дальнобойщика, у которого после доставки груза было только одно желание – напиться и не видеть дороги. Не смотреть вперед.

И на это тоже свои причины имелись.

Когда Кротов вошел в двери управления и шагнул под аркой металлодетектора, ему жизнерадостно улыбнулся парнишка в форме сержанта. Автомат на плече, бронежилет, все как полагается.

– Здравсте, Александр Николаич.

У парня все впереди, глаза горят, а позитива столько – хоть задницей жри, отметил Кротов невесело. Но парню он улыбнулся и кивнул в знак приветствия. Это был Володя Пешков, сын Стаса.

Кротов направился через вестибюль управления. Когда он проходил мимо дежурки, то заметил там Рогова и Лапина. Рогов листал суточную сводку и травил Лапину байки, а тот заискивающе на него смотрел.

– ...А я ему говорю: «Да она помешанная, в натуре, ты еще пожалеешь, что связался с этой кобылой!» Нет, не верит! А потом слышу, в РИЦ звонит. По сводкам значит ее имя пробивает, прикинь? И че ты думаешь...

Лапин ловил каждое его слово, готовясь засмеяться.

Но в этот момент Рогов заметил проходящего мимо Кротова. Рогов замолчал, косясь на него. Кротов лишь кивнул дежурному, который говорил по телефону, и пошел дальше, но спиной он чувствовал на себе взгляды Рогова и Лапина. Взгляды, полные насмешки и пренебрежения.

Вестибюль УВД заканчивался за дежуркой, дальше был поворот в коридоры первого этажа и лестница наверх. Третий этаж управления занимала криминальная полиция.

Кротов шел не туда. Он привычно свернул в неприметную дверь, не дойдя до лестницы пяти метров.

Дверь вела в подвальные помещения. Если дежурка окружного управления была относительно светлой, красивой и современной – насколько красивой и современной может быть дежурка в ментуре – то здесь все было с точностью до наоборот. Кротов сразу оказался в полумраке. Лампочки висели на потолке через каждые метров десять, но из-за сырости проводка выходила из строя, и горела только пара лампочек – самые стойкие. А наладить освещение в коридоре подвала никто не горел желанием. Для чего, собственного говоря? В этой части подвала находились только подсобные помещения и коммуникации. Ничего стратегического важного. Кротов начал спускаться по влажным от постоянной сырости ступенькам, мимо покрывающихся плесенью мрачных стен. В полумраке он наступил на что-то и едва не грохнулся на ступеньки – удержало его лишь то, что он вовремя схватился за стену.

– Твою мать...!

Кротов принялся смотреть вниз, но разглядеть что-то здесь было нереально. Снова чертыхнулся и, сделав последние шаги по ступенькам, свернул в коридор.

Вдоль стены слева тянулись редкие двери. Вдоль стены справа – трубы. Неторопливо двигаясь вперед, Кротов наткнулся на грязного сантехника, который ковырялся гаечным ключом у перемычки одной из влажных и капающих труб. Под трубой была лужица.

– Здорова, Николаич, – буркнул сантехник. Кротова он давно уже принимал за своего. – Ты там не упал? Какой-то козел соляру пролил.

– Уже заметил, – сухо отозвался Кротов.

– А труба опять течет, прикинь! Как бы не прорвало к чертям собачьим. Все сгнило, все менять пора.

– Все сгнило? На коррупцию, батенька, намекаете?

Сантехник расхохотался, продолжая ковыряться в перемычке труб. Веселый мужик. Пройдя еще несколько метров, Кротов наконец добрался до нужной двери. На ней висело жалкое подобие вывески. Отпечатанный на принтере и пожелтевший от сырости и времени, с грязными потеками, лист бумаги формата А4, на котором было крупно отпечатано одно слово – «Оперуполномоченные».

Толкнув дверь, Кротов вошел внутрь.

Старое, жалкое и темное, как тюремная камера, помещение было самым сухим в этой части подвала – поэтому групп-

пу Кротова разместили именно здесь. Три узких окна у самого потолка выходили во внутренний двор управления. Все, что можно было увидеть через них – мелькавшие иногда ноги ППСников. Пять столов, из которых один был приспособлен под буфет: чайник, коробки с кофе и сахаром и хлебница. За одним из столов, откинувшись на спинку скрипучего стула, посапывал Лазарев.

Кротов чуть громче, чем обычно, захлопнул за собой дверь. Лазарев, вздрогнув, очнулся, зевнул.

– Привет, Сань.

– Где Гарин?

Кротов подошел к своему столу, щелкнул кнопку компьютера. Тот скрипнул, словно огрызнувшись в ответ, и заурчал, включаясь.

– Да нет его. Пока не объявлялся.

– Опаздывать повадился, – Кротов посмотрел на часы. – Уже почти девять.

Лазарев одарил его скептическим и усталым взглядом перед тем, как ответить.

– Сань, да давай уже реально смотреть на вещи. Если он придет только к вечеру, всем плевать. Если он вообще не придет, всем плевать. Черт, да если мы все вообще перестанем выходить на работу – всем плевать.

Они с Лазаревым были знакомы целую вечность. Кротов и Лазарев были одного возраста. Разве что Лазарев был еще более усталый, замученный бытом, семейными неурядицами

и жизнью вообще человек.

Кротов не ответил. Он включил электрический чайник и попытался найти на столе свою кружку. Она стояла за хлебницей. Почти с отвращением – в пятницу Кротов забыл ее помыть – взял ее в руки и отодрал ложку, которая приклеилась к стенке кружки.

Лазарев был прав.

Утренние разводы с начальниками подразделений угрозыска проходили в зале совещаний на четвертом этаже. По понедельникам, помимо начальника уголовного розыска Хомича и начальника криминальной полиции Грищенко, здесь присутствовал Сам Лично. Так в управлении именовали начальника УВД полковника Шевелева.

Докладывал майор. Его Кротов толком и не знал, потому что тот совсем недавно перевелся в управление с «земли», а находясь в подвале трудно следить за тем что происходит наверху.

– Также за истекшие сутки произошла квартирная кража по адресу Монтажников, 53. Сообщение поступило в 18.45, в 19.00 группа уже работала. От розыска Николаев, от следствия...

– И? – устало перебил майора Шевелев.

– Мероприятия, проведенные по горячим следам дежурной сменой, результата не дали, – признал майор. Это он явно хотел отложить на потом.

– Местные пока работают, Егор Ильич, – вставил Хомич. – Но судя по почерку, это наш серийник.

Шевелев нахмурился.

– Что, опять?

– Все указывает на то, что да, – невесело кивнул Хомич: – Проник путем подбора ключей. Выбрал небогатую квартиру, с замками попроще. Восьмой этаж девятиэтажки, чтобы риск столкнуться с соседями во время работы был минимальный. Взял все ценное, но только легко переносимые вещи...

– Твою мать, – высказался недовольно Шевелев. – У нас квартал кончается, а по имущественным преступлениям только за счет этого ушлепка у нас уже рост на 10 процентов. Кто-нибудь из розыска собирается вообще делать что-нибудь, нет?

Розыск предпочел отмолчаться. Молчали и майор из группы по имущественным преступлениям, на котором за счет домушника уже было 15 висяков, и остальные. Само собой, молчал и Кротов. На совещаниях у начальства он вообще всегда молчал. Кротов сидел в самом конце стола и развлекал себя тем, что рисовал в блокноте. В этот раз он рисовал корову. Хотел лошадь, но тело получилось коровье – пришлось подрисовывать рога и заштриховывать гриву.

Откашлявшись, неприличное уже молчание решил нарушить зам по розыску Грищенко.

– По домушнику работают все местные отделы, Егор

Ильич. Мы начали проверку ранее судимых, а также дали поручение агентуре...

– А до вас две недели народ чем по-твоему занимался, козюльки под парту лепил? – раздраженно буркнул Шевелев.

Шевелев недолюбливал Грищенко. Что греха таить, его недолюбливал каждый нормальный опер в управлении. В свои 35 он умудрился стать вторым человеком в окружном УВД, ответственным за работу криминальной полиции, не проработав при этом опером ни одного дня. Как слышал Кротов, Грищенко начал свою карьеру с пресс-службы городского главка. История умалчивает, были ли у него серьезные успехи в работе. Но личные успехи явно имелись. А именно – Грищенко познакомился со всем начальством в главке, беря у них интервью и комментарии для городских и областных СМИ. Знакомства оказались полезными. Потому что вскоре он оказался в кресле начальника штаба на «земле», потом прыгнул на начальника полиции – зама начальника ОВД. А затем к общей неожиданности стал главным опером в округе.

– Проверка судимых, агентура, бла-бла-бла... – недовольно продолжал Шевелев. – Все это дежурная хрень. Нормальных идей что, нет?

Осторожно в разговор вступился Рогов:

– Это могут быть новички, товарищ полковник. Скорее всего, из наркоманов. И если он новичок, то еще не успел обзавестись знакомыми среди местной швали. Поэтому и ра-

бота с агентурой ничего не дает.

Снова тишина. Шевелев принялся хмуро думать, тарабанил пальцами по столу.

Кротов никогда не встречал в эти разговоры, относясь к утренним разводам, как к упражнению в молчании. Его мнение все равно мало кого интересовало.

Но сейчас Кротов не выдержал.

– Новичок и наркоман не может обокрасть 15 квартир и до сих пор не спалиться, – устало произнес он. – К тому же, торчок с дозой на дело не пойдет, а без дозы он всегда на измене. Торчок на измене не пойдет черт знает куда, чтобы выставить хату. Торчки работают только там, где хорошо ориентируются: свой квартал, соседние дома, соседние подъезды. А этот домушник работает во всех районах округа. Ему плевать, где красть. И у него почерк бывшего уголовника. Может, даже рецидивиста. Если проверка судимых пока ничего не дала, надо версию гастролера отрабатывать.

Пока он говорил, все в комнате перевели на него удивленные глаза, иногда переглядываясь между собой и как бы недоумевая, какое вообще право имеет этот тип в конце стола встречать. Кротов тут же пожалел, что открыл рот, и просто уткнулся в свой блокнот – надо же дорисовать этой долбанной корове ее долбанные рога. Рогов нарушил тишину, бросив с усмешкой:

– Могильный голос из подвала.

Большинство в комнате усмехнулись, кто-то даже ти-

хо рассмеялся. Лишь Хомич нахмурился и повысил голос на оперов:

– А ну прекратить балаган! Рогов, если ты хороший клоун, то городской цирк по другому адресу.

– На домушнике больше 15 краж, – согласился Шевелев. – И я бы подумал над версией, вдруг на самом деле гастролер?

– Рогов, займись, – поспешно бросил Грищенко.

– Ладно, – Шевелев кивнул майору, – поехали дальше.

– Кроме того, – забубнил майор, – за истекшие сутки по округу произошли четыре грабежа, три из которых раскрыты по горячим следам сотрудниками ППС и УР...

После совещания Хомич отловил Кротова в коридоре и позвал к себе в кабинет. Сухо пригласил располагаться. И лишь когда закрыл дверь кабинета, за которым гудели продолжающие выходить с развода опера, выключил официальный тон и недовольно буркнул:

– Сань, вот ты мне скажи, че ты лезешь-то опять не в свое дело?

– А мои дела на разводах у Самого Лично не обсуждают. Вить, моя группа занимается мелкими кражами и хулиганством. А это по жизни Самого Лично не очень цепляет, если ты не в курсе.

Кротов подошел к окну. С четвертого этажа управления вид открывался гораздо более интересный, чем из полуподвального окна. Хомич вздохнул, усаживаясь в кожаное крес-

ло.

– Да это понятно все. Я к тому, что ты особо не умничай там, где умничать должно начальство. Я-то ладно, мы с тобой сто лет в обед как знакомы. А вот Грищенко этого не любит. Он любит сам выделяться. А Грищенко, если что, нач криминальной полиции и наш с тобой шеф.

– Шеф, – хмыкнул Кротов. – Ни дня на улице не проработал. И что он может сказать путного? «Товарищ полковник, вас в какую часть поцеловать, филейную или повыше»?

Хомич ухмыльнулся, но тут же посерьезнел.

– Зато свой человек в областном главке. А это знаешь ли покруче будет. – вздохнув, после паузы Хомич продолжил: – Короче, Сань. Ты расслабься уже. Расслабься и просто работай. Знаю, что достало тебя за два года уже до чертиков все, но...

– За два года и один месяц, – вставил Кротов. Это было принципиально важно.

Хомич снова вздохнул.

Три года назад Хомич был майором и старшим опером в группе имущественных преступлений. К концу квартала группа столкнулась с типичным явлением, которое бывает в конце каждого треклятого квартала. Рост висяков. Чтобы хоть как-то сгладить картину, он приказал своим операм подчистить висяки и нарисовать хотя бы несколько раскрытий. Хомич уже метил в начальники угрозыска, и его группа должна была быть показательной.

Среди его оперов был и Кротов.

Он составил заявку от имени несуществующего в природе жителя, у которого якобы злодеи похитили мобильник. Грабеж налицо. Затем Кротов пригласил специально прикормленного для этих целей бомжа, который написал «чистосердечное признание» в грабеже. Дело «возбудили» и оперативно «раскрыли».

А через полгода грянула прокурорская проверка. Обычно фабrikаты проверяющие не замечали, но в этот раз операм не повезло. Адреса придуманных терпил опера всегда берут с потолка. Никто не мог предположить, что в соседней квартиркой с несуществующим в природе потерпевшим живет еще как существующая в природе мать прокурора.

Но к этому времени Хомич уже занял кресло начальника угрозыска. Надо отдать ему должное – Кротов избежал уголовного дела только благодаря ему. Хомич знал, что по сути Кротова обвинили в том, что он выполнил его, Хомича, приказ. Кротов стараниями шефа избежал даже увольнения из органов. Часть вины за фальсификацию уголовного дела о грабеже удалось свалить на опера, который как раз за месяц до проверки уволился из полиции.

Кротов сохранил работу. Но попал в немилость. Поэтому его и сослали в подвал. Это была «блестящая» идея Грищенко, только что пришедшего из главка. Под Кротова даже специально создали оперативно-розыскную группу. Уже через несколько месяцев в нее сослали других оперов, ко-

торым также не повезло оказаться в немилости. Половина ушли. Из первого состава остался только Лазарев – ему идти было некуда. Потом к ним присоединился Гарин.

– Кофе будешь? – помолчав, предложил Хомич. Кротов отказался. Хомич снова вздохнул. – Сань, я еще раз тебе говорю: я помню, что обещал. Да, прошло больше двух лет. Но твою мать, не такое это и простое дело, вытащить опера из группы проклятых.

– Чего? – Кротов удивленно покосился на подполковника. – Группа проклятых?

Хомич чуть смутился.

– Ну... твою группу так все опера называют... Извини, вырвалось... А ты не знал, да?

Кротов невесело хмыкнул в ответ.

Спускаясь вниз, он думал о названии. Группа проклятых. Красиво звучит. А главное, метко. Группа Кротова такой и являлась. Проклятые начальством опера, сосланные в подвал по принципу «с глаз долой – из сердца вон» 25 месяцев назад с явной надеждой, что они не выдержат и вообще уйдут из полиции.

Когда Кротов спустился на первый этаж, то заметил оживление. Сначала мимо него пробежал опер из убойного, на ходу натягивая наплечную кобуру с пистолетом и устремляясь к выходу из УВД. Из дежурки быстро вышли Рогов и Лапин, тоже двигаясь к выходу, при этом Рогов на ходу командовал по сотовому:

– Местные пусть ничего не трогают, их задача район шерстить и соседских урок потрясти.

Когда они исчезли в дверях, Кротов подошел к дежурке – спросить, в чем дело. Но дежурный лишь отмахнулся от него, оживленно говоря по телефону:

– ...Дежурная группа выехала 10 минут назад, сейчас я дополнительно выслал весь свободный оперсостав. Убойная группа и группа по борьбе с бандитизмом...

Что-то серьезное. Кротов направился к подвалу, но заметил Володю Пешкова.

– А что случилось, Володь?

– Убийство какое-то, Александр Николаич. Как я понял, там кровищи много. Видите, как все взбудоражились. – и неуверенно добавил: – Может, они всех свободных людей туда пошлют? Ну, в смысле и вас тоже...?

Жалость от пацана Пешкова уже перебор. Будь на его месте кто-то другой, Кротов уже послал бы его на три буквы. Не ответив Пешкову, он шагнул к двери в подвал и уже открыл ее, когда его окликнул выглянувший из окошка ДЧ дежурный:

– Кротов, ты сейчас свободен?

Черт возьми, Володя как в воду глядел. Кротов обернулся.

– Вроде, а что?

– На заявку сгоняй, – дежурный протянул ему листов. – Там мелочь какая-то. Как раз твой профиль.

Согласно статистике окружного УВД, на территории входящих в округ районов в сутки в среднем происходило 1,45 умышленных убийства. Нельзя сказать, что округ тонул в крови, но мокрухи определенно не вызывали ни у кого шока. В основном бытовуха. Отдельно учитывались висяки, в первую очередь в висяках были редкие заказухи и еще более редкие бандитские разборки.

Это убийство не было ни первым, ни вторым, ни третьим. Когда Рогов и Лапин прибыли на место, перед домом уже стояли несколько экипажей ППС с «земли» и фургон криминалистов. Каким-то образом труповозка тоже оказалась здесь, хотя обычно приезжала гораздо позже следаков из комитета. Санитары курили и трепались о своем. Местные опера уже вели опрос соседей. Рогов и Лапин поднялись на предпоследний этаж многоквартирного жилого дома. На площадке откровенно скучал молодой ППСник. Перед тем, как войти, Рогов склонился к замку входной двери. Вокруг замочной скважины он заметил несколько свежих микроскопических царапин.

– Подбор ключа, – отметил он и бросил Лапину: – Пусть криминалисты проверят. Напомни следаку, если я забуду.

Внутри вовсю шла работа. В единственной жилой комнате – это была однокомнатная квартира —

Было все вверх дном. Шкафы распахнуты, часть вещей на полу. Наметанным взглядом Рогов заметил след от ноутбука на пыльном столе и торчащие провода от DVD-плеера. Однако телевизор висел на месте.

Судмедэксперт уже закончил с трупом, который лежал в центре узкой кухни под куском грязного брезента, и сейчас складывал свои инструменты в сумку. Жмур был женского пола – из-под брезента торчали молодые стройные ноги в порванных прозрачных колготках.

– Надеюсь, слабонервных нет? – спросил судмедэксперт, приподнимая угол брезента и показывая труп. Рогов лишь невольно поморщился, но Лапин не выдержал и отвел глаза:

– Б... дь.

– Сначала он ее изнасиловал, держа острый предмет около глаза, – поведал судмедэксперт, снова накрывая тело. – На веках характерные порезы, видимо, когда она дергалась.

– Острый предмет?

– Орудие убийства – что-то вроде толстого гвоздя или заточенного куска арматуры. Били прямо в горло и как видите в лицо. Еще ударов 5—6 в грудь. Точно в сердце, между ребер.

– Знали что делают?

– Эта мразь убивала и раньше, если ты об этом.

Насвистывая, в подвальный кабинет с вывеской «Оперуполномоченные» зашел Гарин. Небритый, лет 25, он был

симпатичным парнем, нравился девушкам и знал об этом. О его любовных похождениях был наслышан весь их тесный коллектив. Лазарев читал какие-то бумаги, взгромоздив ноги на стул.

– Нарисовался? Привет.

– Ага, – отозвался Гарин, первым делом шагая к чайнику. – Вчера вечером скучно было, поехал к Наташке. С которой на той неделе познакомился, помнишь?

– Я очень тщательно стараюсь запоминать имена твоих баб, – язвительно буркнул Лазарев. – Мне для самооценки полезно.

– Ха. В общем, Наташка же за городом обитает. Телефон в кармане остался... Короче, еле добрался. Все спокойно?

– Как в гробу.

– Значит, как всегда. А где Николаич? – Лазарев лишь отмахнулся. – Ясно. Что читаем?

– От участковых материал передали. В Ленинском какая-то тварь все фонари в парке побила. И то же самое в Центральном на прошлой неделе.

– Силы тьмы плетут заговор, – хмыкнул Гарин. – Прям преступление века, круто.

А в это время Кротов был на очередном «преступлении века». Он разглядывал дверной глазок, залепленный снаружи кусочком синей изолянт. Отступив на шаг, Кротов осмотрелся на лестничной площадке. В метре от открытой наполовину входной двери с глазком валялся старый дере-

вянный брусok длиной в метр-полтора. А над дверью красовался сломанный кронштейн камеры наблюдения. За кронштейном из стены торчал кем-то аккуратно обрезанный провод, ведущий к камере. Сама камера отсутствовала.

Хозяйка квартиры, 30-летняя Ольга, и 42-летний старлей полиции Пешков наблюдали за действиями Кротова.

– Я была дома, когда это случилось, – робко сказала Ольга. – Просто сейчас каникулы, поэтому я... поэтому я дома. – видя удивленный взгляд Кротова, поспешила добавить: – Я школьный учитель. Начальных классов. Первый-четвертый...

Кротов переглянулся с Пешковым, тот еле заметно усмехнулся.

– Это многое меняет, – не выдержал Кротов.

– Я как раз на кухне была. Слышу какой-то звук странный... Я к двери. В глазок не видно ничего. Я попыталась открыть дверь, а она никак. И треск за дверью, как будто ломают что-то. Я испугалась, думала, меня обокрасть пытаются. И сразу же бросилась в полицию звонить.

Пешков кивнул на валяющийся в стороне брусok.

– Дверь вот этим подпёрли снаружи. Я на вызов подъехал, освободил ее... потерпевшую в смысле.

– Надеюсь, приступов клаустрофобии не было, – снова не выдержал Кротов. Какого хрена здесь делать не операм, это работа участковых! Долбанное управление. Кротов указал на кронштейн: – А это что? Тут камера стояла?

– Ее как раз и украли, камеру.

– Забавно.

– Я ее месяц назад поставила. Ну знаете, для безопасности. А то все эти кражи квартирные... Говорят, их еще больше стало в последнее время. У меня и сигнализация есть, и решетки на окнах. Я читала, воры могут с крыши спуститься...

Поймав очередной удивленный взгляд Кротова, Ольга снова смутилась:

– Я живу одна. Лучше переплатить и обезопаситься, чем... Ну, вы понимаете.

Кротову стало неловко от своих подколов. В конце концов, терпила ни в чем не виновата. Наоборот – не будь сигнализации, может, ее квартиру выставили бы – и у группы по имущественным преступлениям был бы сейчас очередной висяк.

– Согласен полностью, – заверил он. – Оксана... Вас Оксана зовут?

– Ольга.

– Ольга, а вот эта камера похищенная – она только картинку передавала и все? Или у вас изображение куда-то еще и записывалось?

– Записывалось конечно, иначе какой смысл? Круглосуточно.

– Да вы что? – Кротов удивился, это была хорошая новость. – А можно взглянуть?

Провод в прихожей квартиры переходил в IP-передатчик, сигнал от которого шел на ноутбук. Открыв компьютер, Ольга нашла нужную папку с ярлыком камеры и открыла запись. Потыкавшись минут пять, она наконец нашла конец записи.

Это зрелище понравилось и Кротову, и Пешкову. Один из тех веселых моментов, когда ты забываешь о своей паршивой работе и о своей паршивой жизни.

Сначала открылась дверь квартиры напротив, из которой показался мужичок лет 45 в тапочках и майке-алкоголичке. Сосед осмотрелся, подошел к лестнице, заглянул вверх и вниз. Вернулся в квартиру, но через полминуты снова оказался на площадке, волоча с собой брусок дерева. Закусив язык от старательности, он подпер бруском дверь. Выудив из кармана изоленду, долго ковырялся с ней, пытаясь оторвать нужный кусочек. Глядя на дисплей, Пешков не выдержал и засмеялся.

– Где таких кадров готовят?

– Это мой сосед, – промолвила Ольга, со смесью негодования и изумления следя за действиями мужичка в тапках.

Сосед вернулся в квартиру, но вскоре опять показался на площадке, на этот раз волоча высокую, одного с ним роста, стремянку. Пешков расхохотался:

– Красавчик вообще.

– Во дает, а, – поддержал весело Кротов.

Забравшись на стремянку и почти тыча носом в объектив камеры, сосед принялся снимать ее. Картинка стала бе-

гать вверх-вниз и влево-вправо. Кротов иронично взглянул на Ольгу.

– Чем вы так соседу насолили, учитель младших классов?

– Вот падла сраная! – в сердцах отозвалась она. Но тут же осеклась и смущенно поправилась: – Я хотела сказать... вот сволочь.

Проведя пару часов в управлении, Гарин так и не нашел для себя занятия. Лазарев изучал материалы, Кротов не появлялся. А у Гарина в кармане было шаром покати после вчерашнего похода с Наташей в ночной клуб. Поэтому в обед он сел в свою «Тойоту» и отправился к отцу.

Гарин ездил на почти новом, вполне приличном джипе. «Тойоту» он купил не в кредит и даже не в рассрочку – за наличные. Причина была не в том, что опера «проклятой группы» получали уйму денег. Причина была в отце Гарина, которому принадлежал крупный обувной магазин.

Когда Гарин нарисовался там, сразу двое продавцов общались с единственным покупателем. Отца Гарин обнаружил в конце зала – отец сортировал по размеру коробки с обувью под стендом-прилавком с выставочными образцами.

Выслушав намек сына, Гарин-старший только вздохнул:

– Опять деньги?

– Бать, ну ты знаешь же, какие у нас зарплаты, – принялся увещевать его Гарин. – Будь я майором каким-нибудь, тогда без проблем, а так...

— А вот скажи-ка мне, Антон, — недовольно сказал отец. — Большой вообще смысл работать в полиции и клянчить деньги у отца постоянно?

— Бать... — Гарин недовольно скривился.

— Нет, я серьезно. Давно бы бросил эту свою лавочку и занялся семейным делом. Тогда бы и бед не знал. Я про деньги.

— Бать, хорош, а... Мы сто раз уже это обсуждали.

— Толку-то, — буркнул Гарин-старший. — Если бы ты в полиции хотя бы удовлетворение получал... Тогда я бы еще понял, может быть. А так... Тебя вместе с остальными неудачниками сослали в подвал и все. И ничего не изменится. Неужели до тебя это так и не дойдет? Вроде не тупой. Хоть и мент.

В такие моменты Гарин обычно вспыхивал, бросал «Ничего мне от тебя не надо!» и хлопал дверью. Но сейчас был не тот случай. После вчерашних посиделок в клубе у него гудела голова, а еще он планировал вечером снова отправиться по значным заведениям города. А для этого нужны были деньги. Поэтому Гарин лишь устало повторил:

— Бать...

— А мне бы тут хоть помощь была. Одному с целым магазином тяжело управляться. Будь я помоложе, не вопрос. А так...

Гарин недовольно молчал. Отец одарил его долгим взглядом и обреченно покачал головой.

— Да дам я тебе денег, дам, что с тобой поделаешь...

Сколько?

– Спасибо, бать, выручишь как всегда, – Гарин сразу же воспрянул духом. – Да мне б как обычно. Я с зарплаты сразу отдам!

С зарплаты он ничего не отдаст, это знали они оба. Но эти дежурные фразы давно стали частью игры.

Один из столов подвального логова оперов служил буфетом. Вернувшись в управление, Кротов обнаружил на нем хлеб и колбасу. Сооружая бутерброд, он слушал соседа, который, дерганый и взволнованный, сидел за его столом и эмоционально доказывал:

– Никакого чистосердечного признания я писать не буду! Я ничего не крал!

– Э, – буркнул Лазарев, отвлекаясь от монитора. – Тебя камера засняла, звезда экрана, блин, понимаешь?

– И что? Говорю вам, это не кража! Я ничего не крал! У меня не было этого, как его – не было умысла на хищение техники!

Кротов с усмешкой обернулся.

– Чего?

– Умысла, говорю, не было! Ну то есть отсутствует этот, как его – состав преступления! Вы меня понимаете вообще?

Налив кипяток в кофе, Кротов вернулся за стол с кружкой и бутербродом, уселся на свое место и вздохнул, глядя в туповатые глаза соседа.

– Ладно. А что тогда было? Какой у тебя был умысел? Давай, поделись-ка.

– Ага! – воспрянул духом сосед. – В общем, эта камера снимает всю площадку, понимаете?

– Ну?

– Нет, вы не понимаете! Она снимает ВСЮ площадку! Вот я иду домой с работы – а она снимает меня. А это знаете что?

– Очень интересно.

– Это вмешательство в частную жизнь, вот!

– О как.

– Я говорил соседке, этой Величко, что она нарушает мои права. Но она отказалась снять камеру! Что мне оставалось делать?

Кротов и Лазарев переглянулись, Лазарев с усмешкой пожал плечами:

– В натуре.

– Поэтому я эту камеру сам демонтировал! – провозгласил сосед. – Демонтировал, а не украл!

– Хорошо, – помолчав, кивнул Кротов. – Я тебе верю, у меня нет смысла тебе не верить. И я даже поддерживаю тебя. Все эти камеры понаставили, мы все как на ладони, правильно? И черт знает кто за нами там смотрит?

– А я о чем! – обрадовался сосед. – Я то же самое всегда и говорю!

Пряча улыбку, Кротов дожеввал бутерброд. Вытер руки ненужной бумажкой, найденной на столе, и положил перед

соседом чистый лист бумаги и ручку.

– Ладно. Убедил. Никакого признания в краже. Просто напиши, как все было на самом деле. С твоей точки зрения. И... и поподробнее, ладно?

Сосед выполнил это с радостью. После чего выяснил, что только что признался в хищении чужой собственности. Он принялся спорить, но Кротов потащил его оформлять в дежурку. Потом пришлось прокатиться домой к «борцу за независимость» и вместе со следователем с «земли» изъять камеру.

Освободился Кротов уже под вечер. Выбравшись из дверей управления, направился к своей «Киа», припаркованной почти на углу здания УВД. Где и обнаружил Пешкова, в штатском и со спортивной сумкой на плече.

– Какие-то проблемы, старлей? – спросил Кротов.

– Ага. Выпить хочешь?

Прикупив пива, Кротов и Пешков на машине Кротова выехали на окраину, в одно из их традиционных мест. Это был пустырь перед железной дорогой, ведущей к заброшенной воинской части. С пустыря открывался отличный вид на залитый вечерними огнями северный, спальный массив города. Кротов и Пешков любили сидеть здесь, вдалеке от городского шума, и расслабляться после очередного трудового дня.

– Сын-то твой так в дежурке и прописался? Уже неделю на входе торчит.

– Да вроде бы через недели две обещают назад на улицу отправить. – Пешков хмыкнул, отпивая холодного пива из бутылки. – Бедный Вован. У него аж свербит везде, так назад на маршрут хочется.

– У нас когда-то тоже свербило, – невесело улыбнулся Кротов.

Пешков был его первым напарником в полиции. После армии, оттрубив полгода в ментовской учебке, Кротов пришел в ППС. Пешков уже работал год в патруле и строил из себя бывалого мента. Они не просто сработались, но и подружились. Пешков был свидетелем на свадьбе Кротова, а через два года был участником грандиозного развода Кротова с его бывшей. Кротов был одним из кандидатов в крестные отцы сына Пешкова, Володи. Кротов был единственным, кто был с семьей Пешкова, когда того ранили на службе. Их профессиональные дороги разошлись много лет назад – когда Кротов решил воспользоваться шансом и перешел в угрозыск. Но общаться они не переставали никогда.

– А мне и сейчас все нравится, – возразил Пешкова. – Каждый день что-то новое. Работать на улице – это ни с чем не сравнимо. И плевать мне, что некоторые сверстники уже в подполковниках давно.

Речь была о Грищенко. В ППС знали, как тот пробился наверх, и тоже его недолюбливали.

– Черт, да дело не только в этом, – отозвался Кротов. – Улица, кабинет... Ты ППСник, Стас. Но ты такой же, как и остальные мужики в ППС. Не хуже, понимаешь? А я и мои опера – сосланные в подвал ненужные отбросы, которых должны были выкинуть из ментуры уже давно, но вместо этого отправили гнить в подвал.

– Да ладно, Санек, че ты завелся?

Действительно. Кротов швырнул пустую бутылку в кучу

в стороне, которая уже несколько лет представляла собой стихийную свалку. Взял из машины новую бутылку, открыл зажигалкой. Закурил.

– Оказывается, все управления нас знаешь, как называет? Группа проклятых. Прикинь?

Пешков расхохотался.

– А ты не знал? Ну ты в натуре как в танке, Кротов!

Пока Кротов изливал другу душу, говоря о наболевшем, Лазарев вернулся домой. Возвращался он всегда поздно. И не потому, что он был трудоголиком и задерживался в управлении, делая какую-то дополнительную работу. Просто собственный дом наводил на него еще большую тоску, чем подвал окружного УВД.

Когда он зашел в квартиру, его жена Катя стояла перед зеркалом в прихожей, надевая серьги.

– Вот он. Ты все, закончил?

– Само собой. Кать, я без обеда сегодня... У нас есть что пожрать?

– Мне надо было карточки заполнить до вечера, я весь день вкалывала, а сейчас уже на работу бежать, – выпалила торопливо Катя. В голосе читалось раздражение. – Я же в ночь сегодня, если ты не забыл. Когда по-твоему мне надо было готовить?

– Сказала бы сразу, – буркнул Лазарев. – Я бы пельмени себе купил по дороге.

– Себе? У тебя сын некормленный!

– Что? – опешил Лазарев.

– Все, меня нет. – подхватывая сумку, Катя крикнула вглубь квартиры: – Виталь, мам, я пошла! Если что, звоните на работу!

Катя почти пулей выскочила из квартиры. Лазарев мрачно захлопнул за ней дверь, чувствуя, как в нем закипает злость. С ним даже не попрощалась. Действительно, зачем – он ведь всего-навсего ее муж.

Отношения Лазарева с женой никогда не отличались близостью и душевной теплотой. Хотя после свадьбы, когда они решили пожить у тещи – пока Лазареву на службе не выделят обещанную вроде бы квартиру – они жили если не душа в душу, то вполне сносно. Проблемы начались, когда родился Виталья. Квартиру не давали, и они продолжали жить с тещей, ютась втроем в тесной комнате. Ситуация осложнялась самой тещей, которая терпеть не могла Лазарева и была уверена, что ее дочь похоронила себя с этим неудачником. Шли годы, Виталья вырос. И пропасть между Лазаревым и женой, которая с каждым годом, это было видно невооруженным глазом, все больше разделяла точку зрения своей матери, разрасталась все сильнее. И если поначалу кто-то из них предпринимал потуги обсудить недомолвки, то потом и Лазарев, и Катя плюнули на это и просто замкнулись в себе.

В квартире царила какофония. В спальне тещи – она плохо слышала – гремел телевизор. Судя по голосам, очередной сериал. Лазарев зашел в гостиную, в которой два дива-

на заполняли собой почти все пространство. В этой комнате последние 15 лет жила их семья. Двенадцатилетний Виталья слушал музыку и играл в какую-то игру на сотовом телефоне.

– Здорова.

– Привет, па.

– Ты говорят жрать тоже хочешь?

Виталья понимающе посмотрел на него.

– Ты за меня не волнуйся. Я у бабушки могу пожрать, она там готовит что-то.

– Готовит? У нее телек орет на весь подъезд.

– Ну как всегда, че.

Лазарев заглянул на кухню. Действительно, теща громыхала кастрюлями, умудряясь заполнять все пространство перед мойкой, рабочим столом и газовой плитой. Несмотря на свои довольно миниатюрные размеры. Когда теща была на кухне, подступиться куда-либо было почти невозможно.

– Валентина Сергеевна, добрый вечер. Можно я воду для пельменей поставлю?

– Ну вот я закончу сейчас, тогда ставь на здоровье, – заворчала она, еще громче стуча кастрюлями. – Интересный какой! Мне тоже и есть надо, и готовить...

Ты весь день дома, карга старая, почему бы тебе не готовить до моего прихода, хотел бы рывкнуть Лазарев. Но он не рывкнул. Одарив тещу убийственным взглядом, он вернулся в комнату и закрыл дверь, словно пытаясь отгородить

свою реальность от той реальности, где существование тещи допускалось. Сев рядом с сыном, достал сотовый из кармана.

– План Б. Пиццу будешь?

Виталья с улыбкой кивнул в ответ. Лазарев был безумно счастлив только одним обстоятельством в своей личной жизни – сыном. Парень растет толковый. Единственный, кто поддерживает его в этом гадюшнике. Потрепав Виталью по волосам, Лазарев позвонил в доставку пиццы. Успокаивало, что хотя бы остаток вечера он сможет провести с сыном.

А вот вечер Гарина только начинался. Раздобыв деньги, он закатился в ночной клуб «Пилот», в котором не бывал уже пару недель. Между барной стойкой и танцполом толпился народ, многих из них Гарин хорошо знал. Пока он заказывал себе выпивку, заметил в стороне стройную девушку в обтягивающем платье. Она с улыбкой посматривала на него. Гарин улыбнулся ей. Расплачиваясь с барменом, он гадал, как бы пооригинальнее подкатить к девице.

Походы по клубам и секс с незнакомками были единственной отдушиной в его паршивой жизни. Стать ментом он хотел еще в школе. Гарин даже помнил, почему: после просмотра какого-то фильма по телевизору. Причем это был даже не боевик о крутых копах, карающих преступников – это была комедия. Сначала к перспективе стать ментом Гарин относился с иронией, но чем больше думал об этом, тем больше загорался. И после окончания школы он уже твердо знал, кем станет. Через месяц после получения аттестата Га-

рин уже проходил комиссию для приема в ментовскую учебку. А спустя три года с дипломом, утверждающим, что лейтенант Гарин заучил специальность «оперуполномоченный» на отлично, он пришел в отдел кадров местного ОВД.

В первые полгода было тяжело, но Гарин, стиснув зубы, терпел суточные дежурства и двойную нагрузку – в ОВД, как всегда, был некомплект оперов. А потом его перевели в группу по наркотикам. Гарин вызвался сам – группе требовались новые лица для контрольных закупок дури у местных барыг, а сама группа базировалась в окружном УВД, и это был прямой путь вверх «с земли».

А спустя два месяца после перевода в отдел наркотиков Гарин попал. На обыске у одного из барыг горячий опер схватил его за руку, когда тот полез в шкаф – и вывихнул ее. И все бы ничего, если бы не два «но». Первое: на обыске опера ничего не нашли. Второе: барыга оказался стукачом кого-то из городского Наркоконтроля и требовал крови. Наркоконтроль, у которого под угрозой срыва оказалась очередная операция (или это была лишь легенда – теперь уже неважно), настоял, чтобы опера наказали. Так Гарин оказался в подвале, в «группе проклятых». И все его мечты о блестящей и успешной карьере опера развеялись, как дым. Последний год Гарин занимался отловом гадающих в подъездах алкашей и подростков, бьющих окна соседям. И понимал, что ситуация не изменится. Все его мечты полетели коту под хвост – Гарин стал неудачником, окруженным неудачника-

ми. И это просто убивало его.

Единственным способом забыться для него была выпивка и секс.

Думая о девице, Гарин с бутылкой пива отошел от стойки – и нос к носу столкнулся с незнакомкой. Она томно улыбнулась Гарину.

– Привет. Помнишь меня?

Гарин ее совершенно не помнил.

– Конечно! Как ты? Давно тебя не видел! Шикарно выглядишь, просто конфетка. Выпьешь что-нибудь, зайка?

Обняв ее за талию, Гарин поволок ее назад к стойке.

Вечер обещал быть что надо.

Каждый из них забывался по-своему. Кто-то – поглощая литрами пиво на грязном пустыре. Кто-то – закрывшись в комнате от ненавидящей его тещи и жалея себя. Кто-то – пускаясь во все тяжкие. Кротов, Лазарев и Гарин старались сделать хоть что-то, чтобы каждый вечер забыть, кто они есть. Неудачники, которым не светит ничего. Невостребованный залежалый товар.

Они еще не знали, что все это изменится уже завтра.

Первое, что почувствовал Гарин, проснувшись – головная боль. Вчера он основательно перебрал. Твою мать, подумал он. А потом ощутил теплое и посапывающее тело рядом. С удивлением покосился. Девушка. Молоток, отметил про себя Гарин и тут же задался главным вопросом: как ее, черт побери, зовут?

Пока он гадал, девушка проснулась. И сонно улыбнулась Гарину:

– Привет.

Гарин сел, пытаясь прийти в себя и полностью проснуться. В горле пересохло. Девушка дотронулась до его руки, поглаживая татуировки, покрывавшие предплечья Гарина.

– Приве-е-ет.

– Ага, – неуверенно отозвался Гарин, натянуто улыбнувшись ей. Встав, он натянул штаны и побрел на кухню. Минералки не было. Открыв кран, Гарин наполнил стакан и жадно его проглотил. Девушка зашла следом, подозрительно на него косясь.

– Плохо помнишь вчерашнее?

Гарин не ответил, наполняя стакан снова и с жадностью присасываясь к живительной влаге.

– Нормально, – нахмурилась девушка. – Только не говори, что ты не помнишь, как меня зовут.

– Эмм... Катя?

– Вот ты свинья!

Девушка выскочила из комнаты. Допив воду, Гарин почувствовал, как она разливается по телу, оживляя обезвоженные после перепоя клетки. Вспомнил, как записывал телефон девушки и даже фотографировал ее. Твою мать, Вера! Точно, Вера!

– Вер, успокойся ты, – Гарин побрел за девушкой. – Все я помню, просто прикалываюсь. Чего сразу кипятишься, Вер?

Кротов тоже проснулся с похмельем, но не с таким ужасным. Однако они с Пешковым определенно перебрали пива. Постояв минут десять под душем и выпив кружку чертовски крепкого кофе, Кротов сел за руль и поехал в УВД. Но по пути понял, что ему нужна вода. Пришлось заезжать в магазин, где Кротов купил сразу упаковку 0,5-литровых бутылок. Бросив их в багажник, Кротов открыл одну. И в этот момент заметил Фитиля.

Фитиль, сморщенный тип лет 45, с одутловатой рожей пропойцы, выбрался из-за угла и брел по тротуару к магазину. Увидев Кротова, он почти обрадовался.

– Ба, Александр Николаич!

– Здорова, Фитиль, – кивнул Кротов, когда Фитиль подошел. – Давненько не виделись. Я уж думал, тебя опять закрыли.

– Не-не, вы че, Александр Николаич, у меня все пучком! Как откинулся – так ни-ни. В завязке я.

– Ну конечно, – хмыкнул Кротов.

– В натуре! А вы чего? Говорят, в немилости у начальства?

– Кто говорит?

– Ну так... народ.

– Народ не может ошибаться, – согласился Кротов.

– Фигово. Вы хороший мент, Александр Николаич. Ну, для мента.

Если Фитиль делает неловкие комплименты, дела у него паршиво. Кротов критически осмотрел пропойцу.

– Ну и рожа у тебя, Фитиль. И перегаром прет за километр... Допьешься ты когда-нибудь. Почки отвалятся или печень.

– Все мы там будем. Вы вон тоже минералочку пьете, а? – Кротов хмыкнул, но промолчал. – Слушайте, Александр Николаич... Вы по старой дружбе мне того... ну... взаймы не дадите? Сотню хотя бы, а?

– Оборзел?

– По старой дружбе, Николаич! Мы сколько лет знакомы, в натуре!

Знакомы они были на самом деле давно – Кротов тогда еще служил в ППС, а Фитиль шел на свою вторую отсидку. Вздыхнув, Кротов достал кошелек. Фитиль заметно оживился. Пока Кротов рылся в кошельке, Фитиль продолжал бормотать, словно пытаясь заговорить Кротова и не дать ему передумать:

– Вот ништяк, Александр Николаич, все бы менты такие были. А у меня трубы горят, не могу, ага. Вчера с корешом сидели допоздна. За встречу и все такое.

– За встречу, конечно, – усмехнулся Кротов, вручая ему сотку. – Бухаем только по уважительным причинам, да, Фитиль?

– Так в натуре уважительный. Зоновский кореш, одну баланду хлебали.

– Это что за кореш? Тимурчик поди?

– Вы че, Николаич, Тимурчика-то закрыли ваши опять! Не знали что ли?

Кротов покачал головой, хотя отлично знал. Он всегда следил за судьбой своей «клиентуры», даже находясь в подвале.

– Не, с Хрычом мы сидели.

– Что-то я не знаю никакого Хрыча.

Получив деньги, Фитиль сразу же потерял всякий интерес к разговору, но нельзя же было уйти просто так.

– Да все путем, Александр Николаич, – буркнул он. – Хрыч с этапа только, у нас проездом. Хороший мужик, так что все равно. Слушайте, ну я это... пойду, а?

– Не нажрись опять.

Фитиль кивнул и торопливо двинулся к магазину, бубня себе под нос:

– Хороший вы мент, Николаич, я всегда говорил, все бы менты такими были, в натуре...

А Кротов, сядя за руль своей «Киа», вдруг задумался.

В кабинете Лазарев допрашивал гопника, которого вызвал вчера по телефону и назначил ему на девять утра – отлично зная, что для этой публики это то самое время, когда они еще сладко спят после ночных приключений.

– Да я вообще в этом парке не отвисаю уже давно, – гопник пытался говорить как можно более убедительно. – Че я там забыл вообще?

Зайдя в кабинет, Кротов кивнул Лазареву и тут же уселся за свой стол. Он выглядел более оживленным, чем обычно, и Лазарев удивленно посмотрел в его сторону. Но говорить Кротов не спешил, поэтому Лазарев вернулся к гопнику.

– Значит, не отвисаешь в парке? А если я скажу, что с ППСниками местными говорил?

Гопник заметно приуныл.

– И что?

– В парке была драка неделю назад. И догадайся, кого ППСники тормознули около парка, когда приехали.

Для солидности Лазарев даже заглянул в папку, словно там был весь компромат на гопника. На самом деле в папке были сообщения из канцелярии. Но гопник занервничал. Лазарев почти видел, как в его голове со скрипом завращались шестеренки.

– Блин, да мы просто мимо шли! Ну, мимо парка. Чтоб срезать! Из «Забоя» домой. Отвечаю.

– Мимо шли? Пьяные небось, раз из «Забоя»? – гопник промолчал. – И часто ты там мимо ходишь? Скучно, наверное, ходить мимо парка, а? По ночам особенно? Никого нет, делать нефиг, а пьяная башка приключений ищет? – и тут же Лазарев рывкнул, заставив гопника вздрогнуть: – Кто фонари разбил?

– Да че я, малолетка тупая, что ли, фонари бить?

Гопник был тупой малолеткой.

– А если я скажу, что тебя камера видела? На столбе на входе в парк?

– Слушайте, я никакие фонари не бил, – гопник не собирался сдаваться. – Я серьезный пацан, понимаете?

Компьютер Кротова наконец загрузился. И он быстро принялся работать. Войдя в базу, нашел записи на Фитиля с его кратким досье. Убедившись, что Фитиль откинулся полгода назад и проверив дату, Кротов позвонил в справочную и спросил телефон колонии в Омской области. Лазарев удивленно оглянулся на него, после чего вернулся к гопнику. А Кротов записал телефон и принялся названивать в колонию. Трубку взяли с третьей попытки.

– Алло, оперчасть? Это капитан Кротов, угрозыск. – Кротов назвал округ и город, после этого собеседник его вспомнил. – Да, привет. Как дела? И у нас та же самая фигня... Слушай, мне пробить надо кое-что. У вас полгода назад один кадр наш откинулся. Фитиль кликуха. – собеседник его не помнил, Кротову пришлось называть его полное имя и да-

ту рождения. – Так вот, недавно откинулся его сокамерник. Или из его отряда. В общем, проверить надо. Поможешь? – собеседник помялся для приличия, но согласился. – Хорошо. Погоняло Хрыч.

Лазарев так и не расколол гопника, и тот ушел, гордый, что отстоял свое честное имя правильного пацана. К обеду оказалось, что срочных дел у оперов не было, поэтому Лазарев, Гарин и Кротов отправились в столовую УВД. Им не повезло – за одним из столиков в зале как раз в это время сидели Рогов и Лапин. Кротов задержался, общаясь у входа с кем-то с «земли». Лазарев и Гарин взяли на раздаче еду и заняли свободный столик.

– Отец опять звал к себе в магазин работать, – невесело сообщил Гарин. – Достал уже. Постоянно одно и то же, как ни заеду.

– Ну и правильно. Ему надо думать о бизнесе. А ты... Не знаю, я бы на твоём месте уже давно бы согласился.

– Че? – Гарин был удивлен.

– А почему нет? Приличный магазин, приличная работа. Если развернуться, то он будет приносить ещё больше. Сам говоришь, отец не успевает. А ты у нас тут гниешь вместо того, чтобы бабло лопатой грести.

Когда Кротов подошел к раздаче, Лапин и Рогов покосились на него. Потом Рогов что-то сказал, и оба захохотали. Кротов сделал вид, что не заметил этого. Гарин зло покосился на коллег.

– Уроды...

– Да плевать.

– Батя мне про магазин свой то же самое говорит, – нехотя признал Гарин. – Да я и сам понимаю, что... Но фак, я столько сил угрохал, чтобы в угрозыск попасть. И что, все зря что ли?

– Ну раз так карта легла, – философски отозвался Лазарев. – Наша группа это профессиональная смерть. И ты сам это знаешь.

– А ты? – поколебавшись, спросил Гарин. – Сам-то чего тогда не свалил еще?

– Куда, Антох? Склады охранять сутки через трое? У меня нет богатого папы-коммерса.

Кротов с подносом в руках подошел к их столику и уселся на свободное место, игнорируя взгляды Рогова и Лапина. Принявшись за обед, он негромко сообщил:

– Короче, так. Все слышали про серию краж по городу?

– 15 висяков?

– Уже 16. Плюс мокруха. Вчера этот му... к бабу изнасиловал и изрезал. Так что теперь его вообще все ищут. Но пока глухо. Начальство уже извелось, даже Сам Лично нервничает. Хомич сказал, спецгруппу хотят собрать, чтобы работала только по нему.

Лазарев и Гарин удивленно переглянулись, не понимая, при чем здесь они.

– И что?

– Я думаю, это случайно заезжий к нам урод, – еще тише сказал Кротов. – Поэтому работа по ранее судимым и вообще отработка нашей клиентуры местной ничего не дала.

– Допустим. И что? – повторил Лазарев.

– В городе нарисовался сокамерник Фитиля. Кликуха Хрыч.

Когда они вернулись в подвал, Кротов показал информацию, которая у него уже имелась.

– Василий Самойленко. Сидел за квартирные кражи в Чашкане. Рецидивист, у него уже три ходки. Почерк примерно одинаковый. И он совпадает с нашим домушником. Хрыч откинулся два месяца назад. Как раз тогда у нас и началась серия.

– Думаешь, он? – Гарин сомневался.

– Посмотри вот на это, – Кротов вручил ему ксерокопию личной карточки Хрыча, которую ему прислали из колонии. – Зона под Омском. А сам Хрыч из Тверской области. Понимаете?

Гарин не понимал. Но Лазарев, подумав, кивнул:

– Мы у него на пути.

– Да, Мих. Он просто едет к себе домой. И не хочет появляться перед братвой с пустыми руками. Выставит еще пару хат и с деньгами двинет в Тверь.

Пока все сходилось, и версию надо было проверить. Просто потому, что она сама пришла к ним в руки. Поэтому Кротов с операми уже через час выехал к Фитилю. На всякий случай захватили в оружейке бронежилеты и табельные стволы. Дежурный усмехнулся, словно услышал веселый анекдот. Впрочем, почти так оно и было – группа охотников за хулиганами вооружается. Никак, у хулигана при себе может быть рогатка.

Когда Фитиль открыл дверь квартиры, Кротов тут же втолкнул его внутрь и прижал к стене, пропуска остальных. Гарин и Лазарев быстро рассредоточились по квартире, проверяя комнаты. Фитиль, уже нетрезвый, изумленно и испуганно выкатил глаза на Кротова.

– Александр Николаич, ты чего?!

В прихожую вернулись Гарин и Лазарев, убирая оружие.

– Чисто.

Кротов кивнул им. Отлично понимая, что от них хотят, Лазарев и Гарин отправились в комнату. А Кротов втащил оторопелого Фитиля на кухню и усадил на грязную табуретку, под которой валялись пустые бутылки от водки.

– Где Хрыч, чувак? Он из Твери, в нашем городе у него кроме тебя никого нет. Где он?

– Хрыч? – Фитиль изумился еще больше. – Да нафига

он вам?

– Он откинулся три недели назад. Вчера ты видел его в первый раз?

– Нет, он типа звонил мне недели две назад, ага... Сказал, что зайдет как-нибудь, с бухлом, погулбанием мол...

– А пришел только вчера?

– Позавчера. Мы целые сутки того... У него бабки были, так что мы всю ночь бухали, а потом весь день... И короче вот так вот... А че такое, Александр Николаич? Че такое-то, шеф?

На кухню зашел Лазарев, держа в руках DVD-плеер.

– Сань, зацени улов. Был спрятан в шкафу, среди шмоток.

Фитиль, кажется, начал что-то понимать. Кротов еще более грозно надавил на него:

– Это твое, Фитиль? – Фитиль попытался кивнуть. – А если я пробую и окажется, что эту штуку сперли на чьей-то хате позавчера? А сразу после этого ты закатил бухару на два дня, хотя у тебя никогда нет денег?

Фитиль мрачно отвел глаза. Кротов понимал, что до Фитиля дошло, о чем речь, но сразу же в его голове щелкнула и заработала старая пластинка о понятиях. Вздохнув, Кротов присел рядом.

– Фитиль, нехорошо. Расклад такой, что тут пахнет мокрухой. А твой кореш Хрыч пришел к тебе сразу после нее, чтобы снять стресс после того, как изнасиловал бабу, а потом порезал ее на куски, как собаку. Так что если ты решил

включить вора с понятиями, то вспомни, что делают на зоне с насильниками.

Фитиль молчал. Кротов решил попробовать заход с другой стороны.

– Ты же не хочешь, чтобы я тебя повязал за эту мокруху? Я знаю, ты не при чем. Но вещи убитой нашли у тебя. А я почти отвечаю, что это вещи убитой. А это уже доказуха, Фитиль. Но подставлять я тебя не хочу. Как ты сам мне сказал, я правильный мент. И стараюсь им оставаться. А ты правильный вор. Так и поступай правильно. Понятия штука хорошая. Но гибкая. Не со всеми работают. С мокрушниками и насильниками уж точно.

Фитиль молчал. Кротов снова вздохнул и пошел на удар ниже пояса.

– Ну и плюс, ты мне должен. Если бы не я, ты бы на зоне оттрубил не пять лет, а всю десяточку. Или забыл про должок? Не заставляй меня зло на тебя держать, Фитиль.

И это действует на пропойцу лучше, чем наезды. С укором покосившись на Кротова, он хмуро буркнул:

– Хрыч комнату снял в общежитии. У Зинки Ситниковой. Я с ней договорился за пузырь.

Если Кротов и доверял Фитилю, то не настолько, чтобы оставить его дома. В качестве знака своего расположения дав ему похмелиться, Кротов отвез его в местный ОВД. Это была «земля», с которой он начинал работу опером, и быв-

шие коллеги согласились поддержать Фитиля до вечера без оформления. После чего Кротов, Лазарев и Гарин отъехали за квартал, где вышли из машин и попытались сообразить, что делать дальше.

– Ну хорошо, – буркнул Лазарев. – Мы знаем, кто он. А дальше что?

– Какие варианты?

Кротов посмотрел на оперов. Лазарев пожал плечами:

– Слить Хрыча Рогову и Лапину? Они же по делу работают вроде. После того как кражи обзавелись мокрухой.

– Этим долб... бам? – возмутился Гарин. – Хрена с два! Сидят, пальцы гнут, смотрят на нас как на чмырей! Пусть поцелуют меня в ж...у, ясно?

– Антон, закройся уже. – Кротов быстро соображал. – В общем, так. Сливать информацию бесполезно. Рогов считает себя слишком умным. Даже если я ему принесу Хрыча на блюдечке, он меня только на смех поднимет. Или пошлет куда подальше.

– Может, Хомичу сказать? – предположил Лазарев. – Сань, вы с ним друзья. А еще он тебе должен. После той подставы два года назад...

– И один месяц, – привычно вставил Кротов.

– Вот-вот. А он дальше скамандует. И про нас не забудет, раз мы информацию нарыли.

– И как он про нас не забудет? – горячился Гарин. – Устную благодарность объявит? Или письменную? Чтоб мы

приклеили ее на стену и молились по утрам?

– Антон, заткнись уже, а. – после паузы Кротов снова посмотрел на оперов. – Короче, я предлагаю брать уроды самим. Мы поработали, нам и карты в руки.

Гарин и Лазарев переглянулись, немного опешив. За время работы в проклятой группе они уже и забыли, каково это – «брать уродов самим».

К общаге они добрались через полчаса. Бронежилеты и оружие сдать они, конечно же, еще не успели. Поэтому, заехав за угол общаги, они облачились в жилеты, спрятав их под куртками, после чего выдвинулись внутрь.

Коридор общаги был грязным и темным, почти как их подвал. Только вместо труб вдоль стен тянулись пожитки жильцов – там и тут стояли старые велосипеды, сломанные холодильники и какие-то коробки. Из некоторых дверей доносились пьяные и злые голоса. Дверь в «хоромы» Зинки Ситниковой – у нее была целая квартира с тремя комнатами, две из которых она периодически сдавала всякому сброду – опера остановились. Из одной из соседних каморок выглянул пьяненький мужичок, но при виде вооруженных оперов он лишь ойкнул и исчез за дверью. Кротов кивнул Лазареву, снимая ствол с предохранителя, и Лазарев громко постучал в дверь Зинки. Вскоре они услышали шарканье и хриплый грубый женский голос:

– Чего надо?

Кротов ответил таким же грубым хриплым голосом:

– Хрыч у себя?

– А чего надо? Кто это?

– Фитиль с корешами, е-мое, открывай!

Голос Кротова был мало похож на голос Фитиля, но Зинка всегда присутствовала в реальности лишь в одном из двух состояний – пьяной или с похмелья – поэтому фокус с ней мог легко выгореть. И выгорел, потому что опера услышали щелканье замка, после чего дверь открылась. Лазарев тут же выдернул Зинку за шкуру, а Кротов зажал ей рот. Зинка в ужасе замычала, но Кротов громко шикнул на нее:

– Закройся, дура! Полиция! Помнишь меня? Полиция. Врубилась? – продолжая мычать, Зинка закивала. Кажется, она узнала Кротова. – Где комната Хрыча?

Зинка махнула рукой внутрь приоткрытой двери. Внутрь и налево, давая понять, что комната где-то там.

– А теперь вали в коридор, или я и тебя загребу, поняла? И только вякни мне, коза!

Зинка энергично закивала. Как только ее отпустили, она бросилась наутек по коридору. А опера с оружием наизготовку шагнули внутрь.

Темный коридор, заваленный всяким хламом. Двигаясь медленно и бесшумно, опера свернули налево. Дверь в ванную, дверь в туалет. Напротив – дверь в жилую комнату. Дверь закрыта. Других комнат в этой части «хором» не было. Кротов, Лазарев и Гарин переглянулись, вспоминая отрепе-

тированные действия, кивнули друг другу. После чего Гарин мощно навалился на дверь ногой, распахивая ее.

Опера ввалились в комнату. Небольшая темная каморка, два на три метра, с диваном-кроватью, столом и шкафом. Около шкафа стояли несколько клетчатых сумок, с которыми раньше ездили за товаром челноки. В комнате не было никого.

– Твою мать, и где он? – нахмурился Лазарев, опуская оружие.

Кротов шагнул назад в коридор.

И в этот момент показался Хрыч. Он быстро выскочил из туалета, привлеченный грохотом. В руках открытая бутылка пива. Прямо перед собой он увидел Кротова – и мгновенно понял все. Хрыч швырнул бутылку Кротову в лицо и бросился бежать. Бутылка разлетелась на тысячу осколков, заливая Кротова дешевым пойлом. Кротов рухнул на стену, в голове звенело.

– Он здесь!

Гарин выскочил из комнаты, перепрыгнув через Кротова, и с ревом бросился за Хрычом.

– Стоять, падла, полиция!

Хрыч мчался к кухне. По пути он схватил стоящую у стены швабру и метнул ее назад. Швабра угодила строго между ног Гарину, и он с воем плюхнулся на пол.

– Сань, живой?

Над Кротовым склонился Лазарев. В голове Кротова зве-

нело, глаза застилало вонючее пиво, но он заставил себя вскочить и бросился вглубь помещений. Хрыч уже достиг кухни. Бешено озираясь, увидел грязный кухонный нож в раковине, схватил его и бросился назад.

БАБАХ! В замкнутом помещении выстрел прогремел, подобно грому. Кротов выстрелил над головой вооруженного Хрыча, и пуля вгрызлась в потолок, посыпая инстинктивно пригнувшегося Хрыча штукатуркой. И тут же Кротов и Лазарев навалились на него, придавливая к полу. Кротов коленом давил Хрычу в хребет, Лазарев вжимал его вооруженную ножом руку в пол.

– Скотина! Убью, сука! Антон, нож!

Гарин, примчавшись на выручку, двинул каблуком по кулаку Хрыча. Взыв, тот выпустил нож, и вторым ударом Гарин отбросил его в сторону.

– Готово! Браслеты!

Гарин и Лазарев вдвоем заломили Хрычу руки. Кротов отступил, пытаясь перевести дух после борьбы. Глаза застилала пелена, в голове все еще звенело. Вытерев лицо, он увидел на ладони кровь.

– Пи... рас, он мне лоб раскрыл... Антох, комнату его проверь.

Лазарев, сковав руки Хрыча наручниками, продолжал вжимать его лицом в пол и давить коленом между лопаток – Хрычу оставалось только хрипеть от боли. Гарин же метнулся в комнату Хрыча. Оглядевшись, открыл один из баулов.

Его глаза загорелись.

– Это он. Охренеть, мы сделали это.

Через полчаса перед общагой было не протолкнуться: опера, ППС, «скорая». Фельдшер занялся обработкой раны на рассеченном осколками пивной бутылки лбу Кротова. Остальные ждали приезда начальства и дежурного следака СК – если была стрельба, следственный комитет положен обязательно. Но раньше СК на место приехал Грищенко. Фельдшер как раз накладывал повязку на лоб Кротова, но Кротов успел заметить хмурое и недовольное лицо начальника криминальной полиции УВД. Другой бы подошел к оперу, произведшему задержание опасного рецидивиста. Грищенко лишь одарил Кротова неприязненным взглядом и скрылся в дверях общаги.

Ни для кого в управлении не было секретом, что Шевелев в ближайшие пару лет собирался уходить на пенсию. И Грищенко готов был на многое, чтобы занять этот пост. Кресло начальника окружного УВД – это высший командный состав, билет во власть. А власть Грищенко была ой как нужна. Учитывая его связи наверху, в том числе в главке, должность можно было бы считать уже его. Была только одна проблемка. И этой проблемкой являлся друг Кротова – начальник окружного угрозыска, прямой подчиненный Грищенко и его заместитель. Подполковник Виктор Хомич. Бывалый опер, прошедший все нужные ступени – от младшего опера

на «земле» до шефа угро округа. Даже при наличии самых лучших связей никто не мог поручиться, что наверху при назначении шефа УВД выберут незнакомого с оперативной работой Грищенко, а не идеального кандидата Хомича. Слабая сторона у Хомича была только одна – ноль связей. Слишком поздно он понял, что в этой работе быть хорошим опером и просто выполнять свою работу – это далеко не все.

У Грищенко были связи, но не было опыта. У Хомича наоборот – опыта не занимать, а вот со связями была проблема. Вместе они могли бы стать идеальным начальником окружного УВД.

Едва появившись в управлении в должности начальника криминальной полиции, Грищенко стал окружать себя верными операми. И верным опером №1 был Рогов. Хомича поддерживали большинство оперов, но вставать на пути у Грищенко не хотел никто. А верные опера – еще один ключ к заветной должности.

Грищенко отлично знал, что Хомич и Кротов были друзьями.

За последние два года Хомич несколько раз пытался реабилитировать Кротова и его людей и вернуть к нормальной оперативной работе. И он давно бы сделал это, если бы не Грищенко. Это был не вопрос репутации сосланных в подвал оперов. Это был уже вопрос политики.

- Козел, – буркнул Кротов, провожая глазами Грищенко.
- Что? – фельдшер опешил.

– Я не вам, простите.

Обыск в комнате Хрыча дал многое. К обыску привлекли следака, работавшего по всей серии из 15 квартирных краж, и он безошибочно признал часть похищенного. Это была железная доказуха. Кроме того, среди вещей Хрыча нашли и золотую цепочку, которую он сорвал с изнасилованной и убитой им Риты.

Закованного в наручники Хрыча в УВД доставил наряд ППС. Сразу же прибыл работавший по мокрухе следователь из СК, чтобы закреплять материал. А вот изъятые вещдоки в УВД привезли Кротов, Лазарев и Гарин. Около дежурки Кротов увидел Рогова, который со смесью изумления и оторопи смотрел на него. По спине Кротова пробежала волна удовлетворения. Но он с достоинством прошел мимо, не удостоив Рогова взглядом.

А вечером Кротова вызвал к себе Хомич. Довольный, он подошел к оперу, разглядывая его перевязанную бинтами голову, и крепко пожал руку.

– Молоток, Сань. Просто молоток. Так держать. Ты всем показал. Все офигели сегодня от вас, даже я. Отвечаю.

– Ах, оставьте, – усмехнулся Кротов.

– Выпьешь?

– Не сейчас.

– Как хочешь. – Хомич уселся за стол. – А ко мне уже Грищенко прибежал. Желчью брызгает. «Почему они не передали информацию кому надо?!».

– А ты?

– Я ему сказал как есть. Говорю, да потому что их никто и слушать бы не стал. Напомнил, как вчера на разводе у Самого Лично ты заикнулся про гастролера. Говорю, хоть кто-нибудь Кротова всерьез воспринял, нет?

– Приятно умыть его, а?

Хомич на секунду искренне просиял:

– Не то слово, Сань. Не то слово.

А потом он перешел к делу.

– Слушай... Сколько вы уже в подвале гниете? Два года?

– И один месяц.

– Довольно долго, не находишь?

– Вить, я сейчас тебе в зубы дам, – отозвался Кротов.

– Я не к тому, угомонись. Просто сегодня вы показали, что вас рано списывать. Показали не мне, я это знаю. Показали нашему Грищенко. И показали Самому Лично.

– Ну и что?

– Теперь мой ход.

– А поточнее?

– Пойду к Шевелеву. Буду просить за вас.

Кротов скептически хмыкнул. За последние 25 месяцев он слышал это – с той или иной формулировкой – уже не раз.

Дорогая новостройка находилась в центре Степного. Длинный дом с оригинальной архитектурой и панорамными окнами на верхних этажах занимал полквартала. От других

элитных новостроек эта отличалась тем, что у нее был проездной двор, поэтому кататься по нему могли все – никакой охраны, никаких шлагбаумов на входе. Поэтому появления этим утром старенькой черной «Нивы» с заляпанными грязью регистрационными номерами не могло вызвать недоумения ни у кого. Окна «Нивы» были тонированы, но не наглухо, и внимательный наблюдатель мог бы определить, что внутри сидят двое – оба на передних сиденьях – водитель и пассажир. Но такого наблюдателя во дворе не было.

Женщина вышла из крайнего подъезда ровно в 8.55. Стильно одетая и молодая, ей было чуть за 30, она двигалась уверенно. Направившись к припаркованным напротив подъезда машинам, она щелкнула кнопкой на брелоке, и габариты дорогого красного «БМВ» вспыхнули, разблокируя дверцы и снимая авто с охраны.

Женщина заметила бы, если бы посмотрела направо, как тонированная «Нива» тихонько, еле заметно начинает двигаться. Но женщина не смотрела направо, в этот момент она доставала из сумочки сотовый телефон.

До машины оставалось жалких два метра, когда женщина принялась набирать номер из памяти телефона и поднесла трубку к уху. Другой рукой она уже тянулась к ручке водительской дверцы новенького «БМВ».

Черная «Нива» вдруг резко стартанула вперед и неслась на женщину со скоростью локомотива, стремительно преодолевая разделявшие их метры. Когда женщина услыша-

ла визг покрышек прямо за своей спиной, она вскрикнула и со страхом обернулась.

Единственное, что она успела увидеть – существо в маске, сделанной из черной вязаной шапочки с прорезями для глаз. Единственное, что она успела услышать – мощный треск электрического разряда. А единственное, что она почувствовала – жуткая боль, когда электроды электрошокера в руке существа в маске впились в ее шею.

Женщину отбросило на «БМВ», она плюхнулась на крышку багажника и стала сползать вниз. Нападавший не дал сделать ей даже этого: сильные руки подхватили ее и швырнули на заднее сиденье «Нивы». Прихватив сумочку и упавший на асфальт телефон женщина, человек в маске прыгнул в машину – и «Нива» сорвалась с места.

Все похищение стильно одетой женщина заняло около 15 секунд. Даже если кто-нибудь видел это, он смог бы назвать лишь марку машины похитителей. Но наблюдателей по-прежнему не было.

Во дворе элитной новостройки, как единственное немое напоминание о произошедшем, осталась лишь кожаная женская туфелька, слетевшая с ноги похищенной в тот момент, когда ее, бесчувственную, бросили на заднее сиденье.

Полковник Шевелев выслушал Хомича, не перебивая и вдумчиво. Шевелев знал о грызне между своими подчиненными, но учитывая свой возраст и скорый выход на пен-

сию, не готов был радеть всей душой за одну из сторон. Однако Хомича как опера он уважал безусловно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.